

дурные инстинкты. Только въ простотѣ первобытной жизни, въ трудѣ на лонѣ природы—истинное счастье и дѣйствительныя условія для добродѣтельной жизни.

Уже въ буколической поэзіи, въ эпоху гибели Греціи и Рима, чувствуются эти враждебныя культурѣ настроенія.

Когда въ XVIII вѣкѣ Ж. Ж. Руссо громилъ культуру и государственность, онъ не подозрѣвалъ, что на развалинахъ феодально—клерикальнаго строя, уже назрѣвало торжество буржуазіи и капитализма, и звалъ на лоно природы, искренне вѣря, что на его призывъ откликнутся народы.

Л. Н. Толстой тоже зоветъ на лоно природы, къ упрощеннымъ формамъ быта, во имя правды и добра, и не подозрѣваетъ, что и его проповѣдь только знаменуетъ назрѣвающий кризисъ капитализма и грядущее, хотя бы и не скоро, торжество новыхъ социальныхъ формъ быта. Творчество жизни не прекратилось. Изобрѣтательность человѣка не уперлась въ стѣны тупика. Соціально-политическое строительство само собою прійдетъ къ замѣнѣ отживающихъ формъ быта другими лучшими.

Въ самомъ капиталистическомъ строѣ кроется уже его отрицанія и самъ онъ, и только онъ, организуетъ силы, которыя его замѣнятъ новыми общественными комбинаціями. Коллективизмъ можетъ быть только порожденіемъ капитализма. Вотъ почему капитализмъ и неизбѣженъ въ жизни общества, являясь факторомъ прогрессивнымъ и открывая впереди освободительныя перспективы. Отъ него нѣтъ возврата назадъ, но дорога къ лучшему и болѣе свободному будущему только черезъ него и впереди его. Онъ есть неизбѣжное зло, но онъ и условіе лучшаго, источникъ добра. Л. Н. Толстой не знаетъ законовъ или не имѣетъ никакой вѣры въ законы экономической эволюціи, въ смѣну хозяйственныхъ формъ быта, совершающуюся съ объективной необходимостью и думаетъ повернуть назадъ колесо исторіи, хочетъ разрубить гордіевъ узелъ запутанныхъ социальныхъ отношеній полнымъ отказомъ отъ цивилизаціи и отъ ея тяжелыхъ процессовъ развитія—путемъ возврата къ упрощеннымъ формамъ быта и полного отказа отъ всѣхъ формъ насилія. Во имя абсолютной свободы и любви онъ отказывается принять переходныя фазисы развитія въ исторіи человѣчества, хотя-бы черезъ нихъ и приближалось общество къ идеалу абсолютной правды. Въ этомъ слабость ученія Л. Н. Толстого. У него нѣтъ практическихъ путей къ постепенному (и признанному имъ) приближенію къ идеалу. Онъ думаетъ, что достаточно твердить о добрѣ и любви, что-бы люди усвоили эти идеалы во всей глубинѣ и широтѣ ихъ содержанія. Онъ забываетъ, что однихъ голыхъ утвержденій—Добро, Любовь—не достаточно для выясненія ихъ содержанія; что каждая эпоха вкладываетъ въ нихъ свой социальный смыслъ; что, напри- мѣръ, левинская правда—которой онъ искренне вѣрилъ, была только правдой порядочнаго помѣщика средней руки.